

Эномай Гадарский. Из сочинения «Обличение обманщиков» («Против оракулов»)

1. ...Такого рода оракул приводится и вместе с тем очень остро и убедительно критикуется одним, жившим сравнительно недавно писателем в превосходном сочинении под названием «Обличение обманщиков». Теперь послушайте не мои слова, а его, примерно таким образом изобличающие прорицателя:

— Что? Разве не афиняне убили Андрогее и потом, поражённые за это чумой, не высказали раскаяния? Если бы этого не случилось, неужели тебе не следовало лучше сказать «покайтесь», чем дать такое предсказание:

Будет конец и чуме, и голоду злomu тогда лишь,
Ежели, жребий метнув, через море святое пошлёт
Юношей милых и дев за неправоe дело в оплату
К Миносу, моря владыке. Тогда явит бог свою милость.

Я уже не говорю, что смерть одного Андрогее в Афинах вызвала, боги, ваш гнев, а то, что там повсюду и ежечасно погибало столько людей, не потревожило ваш сон В то время Минос властвовал на море, был могуч и богат, вся Эллада находилась у него в услужении, и поэтому его считали и «самым справедливым», «законодателем великим», а Гомер даже сделал его сотоварищем великого Зевса и определил после смерти судьёй в Аиде.

Ты всё это знал, Аполлон, и всё же из-за него наложил на афинян такую кару. Но я пройду и мимо этого обстоятельства, как делаете вы, и мимо того, что, забыв об убийцах, вы посылаете на смерть совершенно невинных, и всё ради человека, которого вы решили объявить общим для всех судьёй, хотя он не мог справедливо решить и своего дела. Скажите по справедливости, сколько ещё афиняне должны посылать на смерть молодых людей? Не столько ли, сколько вы уже нечестиво погубили в отместку за Андрогее? (Евсевий Памфил. Приготовление к Евангелию, V, 18—19. — Вижe, с. 209a).

2. Взяв для примера миф о Гераклидах[289], этот же самый писатель порицает Аполлона за двусмысленность его предсказаний, погубившую столько людей. Вот, что он говорит по

этому поводу:

— Раз уж я коснулся этого вопроса, то послушайте, что я считаю нужным сказать в связи с историей Гераклидов. Попытавшись однажды через Истм вторгнуться в Пелопоннес, они потерпели неудачу. Аристомах, сын Аридея[290], после того как отец погиб во время этого вторжения, отправляется к тебе, чтобы получить оракул на дальнейший путь. Он был одержим тем же необоримым желанием, что и отец. Ты так ему ответил:

Трудный к победе и узкий путь тебе боги являют.

Он также вступил на путь через Истм и погиб в сражении. Его несчастный сын Темен, уже третье поколение несчастного рода, отправился туда же. Ты пообещал ему то же, что и отцу Аристомаху, но и этот, послушавшись тебя, как и отец, погиб во время вторжения. Тогда ты сказал: «Я имею в виду не трудный и узкий путь по суше, а по проливу морскому». Так как тебе трудно было сказать «по морю» (в этом случае он бы так и поступил), ты внушил ему мысль вести вторжение с суши.

Так он разбил лагерь между Навпактом и Рипеей. Там он поразил копьём всадника Карна, сына Филандра, из Этолии. И правильно, по-моему, сделал. Но когда его неожиданно постигла болезнь и он умер, Гераклиды снова начали отступать. Тут явился Темен и стал жаловаться на горькую судьбину, но услышал ответ, что они поплатились за убийство божественного вестника, и, кроме того, нарушили оракул, где говорилось в стихах о торжественном обете Аполлону Карнейскому:

Вестника нашего ты умертвил и понёс наказание.

«Что же, что делать? — спросит Темен. — Как мне умилостивить вас?»

О, презренный и бесстыднейший из пророков! Разве ты не знал, что, услышав об этом узком проходе, он собьётся с пути? Ты просто не знал ничего худшего, поэтому позволил сбиться ему с пути. Правда, двусмысленность названной тобой узкой тропы преследовала цель, чтобы в случае победы ты бы оказался её вдохновителем, а в случае поражения остался бы в стороне и смог скрыться за «морями широкими». Но человек пришёл и на «море широкое», но и тут ему не повезло. Находится новая увёртка — убийство вестника Карна. Но почему, о могущественный из богов, заботясь так о Карне, ты велел ради других сделать его божественным, а ради него самого — нет? И хотя нужно было спасти одного лишь Карна, ты всё же позволил ему умереть.

Из-за этой одной смерти ты напустил на целое войско тот описанный Гомером мор и лишь предлагал молиться о его прекращении. А если мольбы тут не помогли, то у тебя найдётся способ применить твои софизмы, и никогда не наступит конец всему этому: они всё будут спрашивать, а ты — хитрить, чтобы и в случае победы, и в случае поражения не открылся твой обман. Ведь в их страстях и желаниях было столько силы, что они стали доступны обману и не могли разувериться в тебе, даже если бы им пришлось тысячу раз умереть.

К этому стоит присоединить и потерю Креза. Он стал царём Лидии, добровольно приняв власть от самых далёких предков. Затем в надежде добиться ещё большего процветания, чем его предки, он решил свято чтить богов. Познакомившись со многими, превыше всех он

стал почитать Аполлона Дельфийского. Храм этого бога он украшал золотыми чашами и кирпичами, осыпал множеством даров и вскоре сделал его самым богатым на всей земле. Его щедрость не обходила и жертвоприношения. Потратив столько богатств на храм Аполлона[291], лидийский царь, не без основания положившись на столь очевидные свидетельства своего благочестия, задумал поход против Персии, надеясь с помощью бога расширить границы своего царства.

Что же сделал этот удивительный прорицатель? Тот самый, которого почитают в Дельфах, пифиец, бог — покровитель дружбы. Он не только не добыл ему, своему почитателю, своему благочестивому даннику, чужого царства, но и собственного лишил. Конечно, не намеренно, а просто по незнанию будущего (ведь знающий грядущее бог или даже не бог, а какая-нибудь сверхчеловеческая сила не дали бы такого хитроумного предсказания, чтобы его можно было бы толковать совсем по-разному). Вымолвив только одно:

Галис-реку перейдя, Крез разрушит великое царство[292], он до основания уничтожил столь великое и древнее Лидийское царство, перешедшее по наследству от дальних предков к благочестивому мужу, и такой неблагодарностью воздал за исключительное богопочитание и любовь к себе (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 19—20).

3. Послушай, как справедливо негодует по этому поводу наш писатель.

— Поистине, — говорит он, — тебе знакомы вещи, подобные песку, а о настоящем добре ты ничего не знаешь. Ведь знать, чем пахнет варёная черепаха с прочным панцирем, стоит не больше горсти песка[293]. И хотя все подобные знания не содержат в себе ни грана истины, однако они очень нравятся хвастливым и бесстыдным людям и тем, кого эти пустопорожние сведения заставляют высокомерно поднимать брови, а также тому, кто убеждает Креза, этого лидийского раба, не презирать его. Этот человек спустя некоторое время, чтобы проверить всё на собственном опыте, хотел спросить тебя, начинать ли ему поход на Персию, и посоветоваться относительно одолевающих его страстей и желаний. Ты же, ничтоже сумняшеся, ответил ему:

Галис-реку перейдя, Крез разрушит великое царство. Прелестно! Тебя нисколько не беспокоило, что человек, вдохновившись таким двусмысленным оракулом, отправится на завоевание чужого царства и при этом потерпит нечто неслыханное. Тебя не озадачило также, что эти жестокие и злонамеренные люди, которые должны были бы тебя хвалить за то, что свернул шею безумцу, ещё упрекают тебя, что ты не дал такого двусмысленного оракула, чтобы лидийский царь призадумался и поразмыслил.

Но у эллинов слово «разрушить» воспринимается только в одном значении: не как утрата собственного царства, а как захват чужого. А Кир, этот полулидиец или полуперс, из рода тиранов с материнской стороны и простой человек со стороны отца, оказался полuosлом в решении этой загадки и обнаруживает не только напыщенность речи, но и пророческий дар, который ничего не предвидит, если только не знал прорицатель заранее, что он не поймёт этой загадки.

Но если не от незнания, а от суемудрия и злонамеренности пророк решил так пошутить, то что за гадость эти божественные забавы! Если же не по этой причине, а просто потому, что так должно было случиться, то это самая подлая из хитростей. Но если и вправду так должно было случиться, то зачем же ты, несчастный, восседаешь в Дельфах и поёшь свои ничтожные и пустые оракулы? Что нам за польза от тебя? Что за безумие охватывает всех нас, со всех концов земли устремляться к тебе? Зачем тебе весь этот чад от жертвоприношений? (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 20—21).

4. Вот с какой смелой и свободной речью обращается к читателю Эномай в своём «Обличении обманщиков», пропитанном кинической язвительностью. Он хочет, чтобы у всего греческого народа не было оракулов, от каких бы божеств они ни исходили, а чтобы все уловки и хитрости, направленные на его обман, были раскрыты. Так как мы однажды уже их упомянули, то ничто не должно помешать нам услышать и дальнейшие разоблачения. И первый, о ком рассказывает Эномай, это он сам, обманутый Аполлоном Кларосским. Вот что он пишет:

— Нужно было и нам принять какое-нибудь участие в этой комедии и не чваниться, что нас не поразило всеобщее безумие, но расхваливать тот товар, который мы и сами привезли от тебя из Азии, клариец.

Есть далеко, где трахинян земля, сад Геракла чудесный.
Вечно цветёт этот сад, здесь каждый плоды собирает.
Всё ж он иссякнуть не может — вода его щедро питает.

Услышав это, я, глупец, вдохновился и Гераклом, и Геракловым садом вечноцветущим. Размечтался я также из-за этого Трахина о каком-то гесиодовском трудовом поте и о лёгкой жизни, услышав о цветущем саде. Потом я спросил, помогут ли мне боги, и какой-то человек из толпы сказал, что готов поклясться, что сами боги ко мне благосклонны, ибо он точно слышал, что ты предрёк то же самое Каллистрату, некоему понтийскому купцу. Как только я это услышал, тотчас вскричал; «Как, значит ты думаешь, будто я вышел из себя потому, что по его милости лишился благодати?» И хотя я с недовольством смотрел на купца, но стал спрашивать себя, может быть и он обманут именем Геракла. Было ясно, что и он чем-то удручён и жаждет наживы и ожидает от неё счастливой жизни.

Когда стало очевидным, что бог приравнял купца ко мне, я больше не стал принимать близко к сердцу ни оракул, ни Геракла. Я считал недостойным разделять судьбу с тем, кто сегодня испытывает затруднения и ожидает благ от будущего. Данное мне пророчество можно было отнести к кому угодно — к разбойнику, воину, к любовнику и любовнице, к льстецу, ритору, сикофанту — иначе говоря, к тому, кого мучают желания, и к тому, кто считает, что его одолевают горести, а радости ещё впереди (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 21—22, р. 213б).

5. Изложив всё это, он тотчас же добавляет, что, спросив второй и третий раз, понял, что удивительный пророк ничего не знает, скрывая своё незнание только темнотой своих неясных предсказаний. Эномай продолжает: «И когда я со своим товаром собрался в путь, я понял, что нуждаюсь в человеке, который бы повёл меня как друга вместе с собой к

мудрости, но такого не было. Тогда я попросил тебя указать мне нужного человека.

Все достоянье у легких людей и ахейцев положит.

То, что предсказано богом, отнюдь не окажется малым.

Что всё это значит? Если бы я хотел стать скульптором или художником и искал себе учителя, то мне достаточно было услышать: „у легких людей“. Но не сказать ли мне скорее, что прорицатель сошёл с ума? Правда, такое предположение трудно тебе принять — слишком много неясного в человеческом характере. Куда мне лучше направиться из Колофона? И это было не скрыто от бога.

Камни метнув из натянутой туго пращи, человек тот
Выстрелом метким немало гусей поразил травоядных.

„Немало гусей травоядных“! Кто же мне объяснит значение сих слов? Или ещё: „туго натянутая праща“. Кто растолкует? Амфилох? Зевс Додонский? Или, может быть, ты, Дельфиец, если к тебе обратиться? А не пойти ли тебе куда-нибудь подальше и не удавиться этой самой „туго натянутой пращей“ вместе с твоими непостижимыми стихами?»

После этих слов давай снова окинем взглядом всё с самого начата, посмотрим, как он разоблачает древнейшие дельфийские пророчества, больше всего превозносимые в греческой истории.

Против афинян персы вооружили огромное войско, и у афинян не было другой надежды на спасение, кроме как на одного только бога. Хотя они ещё не знали точно, что это за бог, но называли его отчим защитником. Это был Аполлон Дельфийский. Что же сделал этот удивительный бог? Может быть, вступил в бой за своих почитателей? Вспомнил о возлияниях и жертвенном дыме, о гекатомбах, которые они по обычаю предков приносили ему в жертву? Нет, тысячу раз нет. Что же он предложил? Бежать! Бежать в заранее заготовленные деревянные стены (так он назвал корабли). Этим одним, говорил он, они спасутся от гибели после того, как сожгут город. О, помощь великого бога! Затем он притворяется, будто предсказывает, что осада коснётся не только обычных городских строений, но и посвящённых богам. Но для этого не нужно было божественного оракула — во время вражеского нашествия все ожидают подобных действий. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 22—23, р. 215а сл.).

б. Наш писатель, конечно, правильно поступает, снова и снова высмеивая и разоблачая тех, кто обманывает греков.

— Должно быть, это дело какого-нибудь злоумышленника, — продолжает он. — Так следует сказать прежде всего об ответе, адресованном афинянам. Вот каков этот ответ:

Что ж вы сидите, глупцы? Скорее бегите подальше!

Вам головы не снести, погибнет и всё остальное —

Их уничтожат огонь и Арес на своей колеснице.

Крепости также падут крепостенные (много их будет).

Храмы бессмертных богов огонь этот страшный настигнет.

Ныне стоят потрясённые страхом,
Потом они истекают.

Таков этот оракул. Но что же в нём пророческого? Разумеется, ты не верил в него, клянусь Зевсом, — скажет, пожалуй, кто-нибудь. Если бы ты присовокупил ещё то, что он добавил к сказанному, когда они просили у него помощи, тогда всё станет ясным. Поэтому послушай, что было дальше.

Зевса не может унять Паллада ни словом, ни лаской,
Просьбой его не сломить...

Снова тебе я скажу своё непреложное слово.

Плен стал уделом других...

Зевс громоносный даёт Тритогене из дерева стену.

Только ее не разрушить: спасёт и тебя, и потомков.

В бегство скорей обратись, не противясь ни конным, ни пешим.

Скоро появится враг. Обращаю к тебе своё слово,

Остров божественный, мой Саламин. Детей ты погубишь,

В пору посева Деметры даров или жатвы то будет.

Зевеса достойный Зевес, о сын Зевса, и Афины достойная Афина, о брат Афины! Эта борьба желаний и стремлений приличествует, конечно, отцу и дочери, особенно же богам. Этот твой олимпиец, который не в состоянии завоевать один лишь город, если не направит к нему из Суз несметные полчища врагов, безусловно, великий бог и всемогущий владыка, к тому же он заставляет перекочёвывать из Азии в Европу столько народов, но в самой Европе не может уничтожить один-единственный город. И ты, отчаянно смелый, когда нет для этого причины, и всегда отважный, можешь удерживаться от рыданий? Так сказали бы люди, ради которых Паллада обращается к Зевсу Олимпийскому с мольбой, но не может его умиловить. Разве Зевс гневался не на людей, а на камни и дерево? И поэтому ты спасал людей, а он сам сжигал дома, наслав на них пожарища? Или молний ему было мало? И если бы мы сами не были такими уж храбрыми и отчаянными, как вы, то не позволили бы вам болтать столько вздора. Скажи, о пророк, как ты мог знать, что божественный Саламин погубит потомство женщин, а будет ли то во время посева даров Деметры или во время жатвы, этого ты не знал?

Пожалуй, кто-нибудь, почувствовав подвох, спросит ещё, как ты не знал, что потомство женщин может быть и у своих, родных тебе, и у врагов. Итак, нужно ждать, что произойдёт. Ведь что-нибудь одно обязательно должно случиться. Этот твой божественный Саламин ещё даже не собирался сдаваться, а ты к нему так обратился, чтобы вызвать заранее сострадание. Предстоящее морское сражение, которое разразится то ли в пору сева плодов Деметры, то ли сбора, прикрыто велеречием поэтических слов, чтобы за этими хитросплетениями речи не обнаружилась ложность оракула и не стало сразу же очевидным, что в зимнее время морские сражения не завязываются. Вот уж конец трагедии ясен, как и спор богов, один из которых умоляет, а другой остаётся непреклонным, но оба оракула сгодятся для будущего, для любого исхода войны: один — для победителей, другой — для побеждённых. Ведь если спасутся греки, значит подействовали мольбы Паллады и оказались способными смягчить гнев Зевса. Если же нет, то и в этом случае окажется прав

пророк — не смогла Паллада умиловать Зевса.

К любому повороту судьбы подладил свой оракул великий специалист: и если Зевс выполнит свои угрозы, и если просьбы дочери не останутся без внимания. То, что погибнет много твердынь, если они вторгнутся с нартеком[294], а не с огнём и мечом, скорее всего было бы ложью, хотя такие полчища, вооруженные даже только одним нартеком, могли бы натворить много бед. Но я, сказал он, предложил деревянную стену, и только её одну невозможно одолеть. Это совет, Аполлон, а не прорицание, и похож Он на такие слова:

Бегством спасись и не выстоять, сраму не знать — не позор ли?

Тот, кто раскрыл твою тайну, не хуже тебя мог заметить, что город афинян был для персов только предлогом и весь поход против этого города был направлен против его первенства и выдающейся роли. Поэтому и я сам, вовсе не собираясь предсказывать будущее, поняв это, посоветовал бы не только лидийскому царю, но и афинянину повернуть спины и бежать. Перед тобой в конце концов появится враг, а с ним много конницы и пехоты. Поэтому надо бежать на кораблях, а не по суше. Было бы смешно, если бы люди, обладающие кораблями и привычкой к морю, не стали бы спасаться на них, погрузив туда всё своё имущество и запасы пищи, и не оставили бы землю тем, кто так к ней стремится (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 23—24).

7. Всё это относится к афинянам. Ответ, данный спартамцам, ещё более жалок и смешон. Весь город, сказал он, будет в осаде или оплачет гибель царя. Такое предсказание вообще было легко применить к любому обстоятельству — одно или другое обязательно сбудется. И конечно, не из-за незнания грядущего был таким двусмысленным божественный оракул, который должен был помочь и своевременно указать на спасителя эллинов и обеспечить победу своим близким друзьям — эллинам над врагами и варварами. Если же у него не хватало сил, чтобы добыть им победу, то нужно было бы хоть не допустить, чтобы они попали в плен. А он этого даже не знает, не говоря уже о том, что повлечёт за собой для них поражение. В связи с этим послушай, что говорит наш обличитель:

— Но не следовало, скажешь ты, советовать лакедемонянам то же самое. Верно. Ты ведь не знал, софист, как обернутся дела для Спарты, точно так же как и для Аттики.

Ты боялся посоветовать им бежать: вдруг они обратятся в бегство, а персы не станут наступать? Поэтому, когда пришлось хоть что-то сказать, ты так ответил спартамцам:

Жители Спарты великой, прославленный град ваш погибнет:

Полчища варваров-персов нагрянут на эллинов земли.

Если же выстоит город, придётся оплакивать Спарте

Гибель царя спартиатов, потомка святого Геракла.

И снова сплетение слов, в которых ничего не предсказывается. Но оставим его, чтобы не показаться слишком докучливыми и даже глупыми, дважды обрушиваясь на одно и то же. Посмотрим, что было дальше.

В такой опасности для страны все взоры с надеждой обратились на тебя. Ты был для них и предсказателем будущего, и советчиком в делах. Они верили в тебя, а ты считал их за дураков. Особенно же в наступивший момент, когда можно было заставить этих глупцов нестись не только в Дельфы и Додону, эти гнёзда обманщиков, но и к гадалкам по полётам птиц и на муке, и к чревовещателям. В такие времена верят не только в богов, но и в кошек, ворон и в пустые сны. Совершенно очевидно, что они не восприняли бы оба предсказания, а скорее одно, и не более тяжёлое, а более лёгкое, а более лёгким было — пасть одному царю вместо всех. Ясно, что с падением города и царю не было бы спасения. А если он найдёт какой-либо иной выход, то, может быть, произойдёт что-нибудь неожиданное.

Таким образом, остаётся одна возможность для тех, кто так думал, — послать царя воевать, а самим остаться дома и вне опасности ждать исхода событий. Для царя, который вместе с немногими выдерживает натиск бесчисленных вражеских орд, гибель неминуема, а Спарта получает передышку от страха и удивительные надежды. И в случае захвата города, и в случае его спасения хитрость тем не менее остается неразоблачённой. Каким же образом? Ибо, клянусь Зевсом, не было сказано пророком, погибнет ли царь, а город спасётся или погибнет один он или весь город. Погибнет ли он один или не один, всё равно никто не поставит это богу в вину. Вот он, плод невежества и безрассудства! (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 24— 25, р. 218d сл.).

8. Но об этом достаточно. Нельзя также пройти мимо прорицания, данного им жителям Книда, которые не раз молились богу и просили у него помощи. Книдяне попали в сходные с описанными выше условия, когда Гарпаг пошёл на них походом. Пытаясь прорыть тамошний перешеек и превратить свой город в остров, жители Книда приступили к началу работ, но сразу же предприятие показалось им слишком тяжёлым, и в отчаянии они обратились к оракулу. Ты им ответил:

Не стоит в крепость перешеек превращать,
Копать не надо рвов и стены воздвигать.
Коль Зевс того б хотел, то остров был бы здесь.

И эти тупицы повиновались тебе. Отказавшись от намеченного плана, они отдали себя во власть Гарпага. Такова цена легкомыслия. Так как во время работы тем, кто копал, не было надежного убежища, то ты прекратил её. Советуя не браться за работу, ты внушаешь им ещё одну надежду на спасение. Но ты им вовсе не давал лучшего выхода, когда они прекратят рытьё, но только указал, что Зевсу не угодно, чтобы здесь был остров. Если бы ты их разубедил, то при любом исходе твой ответ был бы правилен, а если бы убедил, то могло показаться, что ты предсказал спасение. Поэтому безопасно было хитрецу отговаривать. Таким образом, ничего по существу не сказав людям, ради чего они пришли к тебе, ты отослал их, заставив подумать, что они услышали нечто важное (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 25—26, р. 220с).

9. Я думаю, что всё это достаточно изобличает глупость как тех, кто даёт оракулы, так и тех, кто их спрашивает, и показывает, что в них нельзя найти ничего истинного или божественного. Ты, пожалуй, легко убедишься в бесстыдстве злых демонов или людей, притворяющихся пророками, если узнаешь, что те, кто должен быть вдохновителем мира и

дружбы, очень часто натравливают друг на друга пришедших к ним за советом. То Аполлон Дельфийский своих милых спартанцев натравливает на мессенцев, то мессенцев — на спартанцев, только бы они снова и снова умилоствовали демонов человеческими жертвоприношениями.

Теперь послушай и об этом. Всё определяется так называемой мудростью, которая помогает прорицать и не позволяет болтать что попало; она сама взвешивает все обстоятельства и сама устанавливает цену всему. Она, конечно же не разрешит Пифийцу из-за его беспомощности давать оракулы ни мессенцам, ни спартанцам о мессенцах и о земле, которой владели мессенцы, обманом победив спартанцев.

Битвой решать все дела не советует Феб светозарный,
Только обманом народ твой владеет мессенской землёю.
Тот, кто обманет других, тот сам от обмана погибнет.

Он велит им помнить лучше о мире, о скромности и довольствоваться своей судьбой. Они же пришли к прорицателю вооружённые законами Ликурга, подхлестываемые ненасытностью и суетной жаждой славы, чтобы не казалось, будто они, воспитанные в законах стойкости, уступили военной силе мессенцев. Если бы они действительно были воспитаны в законах стойкости, то должны были бы довольствоваться малым и не нужно было бы им ни сражаться, ни нуждаться в оружии или в других средствах безумия. Таков был твой ответ спартанцам против мессенцев. А мессенцам против спартанцев ты также ответил. Ведь ты вещаешь не только мессенцам против спартанцев, но и спартанцам против мессенцев.

Жребий велит вам пречистую деву из Эпита рода
В жертву подземным богам принести поскорей, не жалея
Только лишь так вы спасёте, пожалуй, родную Итому.

Я не принимаю отговорки, что жертва из рода Эпита была нечистой и потому для мессенцев бесполезной. Ты любого можешь заговорить (Евсевий. Приготовление к Евангелию. V, 26—27, р. 220d сл.).

10. Таковы примеры из древней истории, но можно привести сотни других такого же рода из нашей действительности. По совету оракулов императоры часто начинают бесцельные войны. Их то обманывает неясность прорицания, то отклоняет от начатого обманчивость слов оракула. Что можно сказать, когда в тяжелейших условиях войны или смертельной болезни те, кого считают богами, не приносят никакой помощи или исцеления?! И всегда они получают такие ответы, о которых рассказывается в древней истории.

Среди прославленных у греков оракулов Пифийского Аполлона был особенно знаменит один, данный Ликургу. Пифия ему так ответила:

К храму пришёл моему, повсюду известному в мире,
Зевсу любезный Ликург и всем, кто живёт на Олимпе.
Трудно сказать о тебе — ты бог иль из смертного рода.
Богом скорее сочту я тебя, о Ликург благородный.
Ищешь теперь у меня наилучших для граждан законов.

Дам тебе их...

и т. д. Давай же послушаем, что по этому поводу думает наш Эномай, известный обличитель оракулов. Он пишет следующее:

— Когда однажды к тебе пришёл Ликург как вождь и разведчик, ты сказал, что он явился из лощин Лакедемона, любезный Зевсу и остальным богам, обитающим на Олимпе, причем тебя даже охватило сомнение, богу или человеку предстоит давать прорицание. Ты даже присовокупил, что скорее всего это бог, раз он пришёл к тебе с просьбой о благих законах. Но если это был бог, то как он мог не знать законов, если ещё к тому же был любезен Зевсу и всем олимпийцам? Но уж если без бога не могут открыться законы и они объявляются божественнейшему из людей голосом богини, то слушаем этот божественный голос и его ответ Ликургу:

Ищешь теперь у меня наилучших для граждан законов.

Дам тебе их...

— Ну, и дай, — сказал бы я. — Ведь никогда до этого ты никому ещё не обещал такого дара.

Клятвы свои, обещания, данные волею бога,
Выполнить должно тебе, и царит пусть у вас справедливость.
Старость в почёте держать — вот долг ваш святой, непорочный.
Чтите бессмертных мужей священной родины Спарты —
Род Тиндаридов, царя Менелая и прочих героев.
Будет тогда охранять землю вашу небесный владыка.

О, что за божественные поручения и советы, Аполлон! Ради них не долог путь, не то что из Пелопоннеса в Дельфы, но даже к самим гиперборейцам, откуда, как говорят, согласно оракулу некоего пророка Астерия, прибыли

Жители острова Делоса вместе с жрецами святыми.

Этот Ликург, как мне кажется, и кормилицы не имел, и в обществе старших никогда не вращался, от которых мог он услышать нечто более прекрасное и мудрое, чем изречённое богом. Если тебя настойчиво попросит Ликург, вероятно, ты скажешь что-нибудь ещё, но более определённое. Если бы одни давали разумные советы, а другие их принимали, то я попросил бы Ликурга не падать духом и, если может, взять у тебя план государственного устройства и уехать в свою Спарту.

Два есть пути, совершенно не сходных друг с другом у смертных.

Первый ведёт ко дворцу, где прекрасной свободы палаты.

Путь же второй приведёт к безрадостной хижине рабства.

Мужества требует первый, священного в людях согласия.

Этой дорогой надежды вести тебе к счастью народы.

Мрачный раздор и безумье идут рука об руку с рабством...

Вот этого, последнего, ты настойчиво велишь опасаться, а больше всего советуешь нам быть мужественными. Такие советы мы нередко выслушивали даже от трусов. «Надо жить в согласии!» А это услышишь не только от добропорядочных граждан, но и от самих мятежников. Вот почему это твоё наставление мы прощаем тебе. Хоть ты и пророк, а не знаешь, что подобные речи мы часто слышим от многих, хотя они ни лаврами не питаются, ни воду не пьют из Кастальского источника и никогда не поднимают брови в знак особой мудрости. Итак, говори о мужестве, говори о свободе, говори о согласии и о том, как всё это появляется в государстве, но не заставляй нас вести народы этим путём, а веди нас сам. Прекрасен этот путь, но недоступен нам и внушает страх. И продолжает:

— Ты готов говорить и о браке —

С пастбищ аргосских гнедая кобылка к тебе поспешает.

И о детях:

Чтить не хотят Эстиона, хоть он и самый почтенный.
Лабда, дитятей тяжёлая, гору родит вам однажды.

И о колониях:

Шли к золотому народу побольше земли своей граждан.
Меди на плечи возьми, а в руки седое железо.

О тщете славы:

Лучше мира всего Пеласгов родимая почва,
Фракии быстрые кони и славные женщины Спарты,
Пьющие воду мужи из источника — дар Аретузы.

По моему мнению, ты вовсе не лучший из так называемых пророков, как и не лучший из прочей клики шарлатанов и софистов. Меня нисколько не удивляет, когда этот презренный род людей ради денег хватается за горло других, но я крайне удивлен, как ты, бог, и эти люди из-за денег душите друг друга. А известный всем Сократ, когда один человек спросил его, жениться ему или нет, ответил только одно — и в том, и в другом случае он будет раскаиваться. А тому, кто хотел иметь детей, он правильно отсоветовал это делать, ибо если тот, последуя его совету, решит завести детей, то нисколько не станет заботиться, чтобы хорошо их воспитывать, а будет думать только о том, как их породить.

Когда какой-то человек из-за того, что ему плохо жилось на родине, решил уехать на чужбину, он сказал, что тот принял неверное решение, ибо, покинув родную землю, он вместе с собой увезёт и собственную глупость, которая там, как и здесь, сделает его жизнь несносной. Сократ давал советы не только тогда, когда его спрашивали, но и по своей инициативе, идя на подобного рода встречи.

Двадцать пройдет ещё дней до восхода звезды, жар несущей
(Сириус имя её), и потом ещё снова дней двадцать...

Вакх пусть будет врачом в прохладе тенистого дома.

Для афинян, страдающих от жары, эти слова не несли в себе ничего пророческого, а напоминали скорее медицинский совет.

Пресбониада Климена дитя — Эргин благородный,
Поздно сюда ты пришёл в тоске о потомстве достойном.
К старому плугу всё ж новую ручку возможно приделать.

Посоветовать старику, жаждущему детей, обзавестись молодой женой — для этого не нужно быть пророком, а просто человеком, хорошо знающим природу. Но страсть делает людей упорными, поэтому я настоятельно советую приготовить для них розгу покрепче, если тебе не удастся убедить их вместо такого рода паршивых вопросов спрашивать о чём-нибудь действительно достойном твоей божественной мудрости. Антиоху с Пароса, лишившемуся в политической возне всего своего состояния и в горе пришедшему к тебе, ты ответил:

Домом твоим будет Фасос — туда, Антиох, отправляйся!

Но, пожалуй, с большей пользой для себя он услышал бы такой ответ:

Разум скорей обрети, Антиох. Знай, что и бедность — не горе.
А что ты ответил посланцам с Крита?

Жители Феста, и Тарры, и морем омытого Дия,
Вас призываю: ведите жизнь без греха и порока.
Фебу Пифийскому жертву немедля свершите, о люди.
Счастье на Крите своем обретёте, чтя Зевса-владыку.
Тут вам совсем не помогут древнейшие предков законы.
Они несравненно больше почерпнули бы для себя, если бы оракул гласил:

Жители Вздора и Страсти, кто полон тщеславья пустого,
Вас призываю: от собственной глупости будьте подальше.
К мудрости, жизнь без греха и позора ведя, обращайтесь.
К счастью ведут не древнейшие предков законы, но божи.

Чтобы не заниматься больше этими очистительными жертвами для Крита, ты выдумываешь какие-то ещё Орфические или Эпименидские очищения.

Почему, мудрейший из богов, спартанские цари Харилай и Архелай,

Если добра половинную часть отдадут Аполлону,
Лучше им будет намного тогда?

Какого другого Аполлона ты имеешь в виду? Это ведь сказано, конечно, не тобой, бессовестный пророк; иначе тебя станут попрекать за то, что ты так постыдно делишь добычу вместе с разбойниками. Итак, об этом достаточно. (Евсевий. Приготовление к

Евангелию, V, 27—32, р. 222Ь сл.).

11. А теперь расскажем о том, благодаря чему Аполлон снова и снова превозносит Архилоха, поэта, употребляющего в своих стихах в адрес женщин самую непристойную и постыдную брань, которую приличный человек даже слушать не стал бы. Как он восхваляет Еврипида, который отошёл от образа жизни и философии Сократа, и трагедии которого ещё и теперь играют на сцене! Гомера, которого благородный Платон изгоняет из своего идеального государства не только из-за его полной бесполезности, но и как сочинителя поэм, крайне вредных для воспитания молодёжи. В связи с этим наш Эномай следующим образом высмеивает прорицателя-бога:

Будет твой сын, Телесикл, бессмертным средь рода людского,
Слава покроет его.

Этим сыном был Архилох.

Сын у тебя, Мнесархид, на радость появится людям,
Будут его почитать, он к славе поднимется быстро,
Первенства чудный венец в награду за труд получая.

А этим сыном был Еврипид. К Гомеру же он обратился так:

В жизни твоей две судьбы, две доли неравных смешались:
Зренья лишила одна, другая бессмертье дарует.
Будешь и мёртвым живой.

По этой же причине он услышал:

Счастливы сын и несчастья, рождённы на то и другое.
Говорит же это не человек, а некто, утверждающий, что он бог, и поэтому ему, как Богу не след заниматься судьбой горемычных людишек.

В таком случае, о боже, смотри не презирай и нас. Ведь все мы, если только в чём-нибудь не ошибаемся, добиваемся своей цели: одни из нас стремятся к высшим почестям, другие — к священным венкам, третьи — хотят быть богоравными, четвёртые — к самому бессмертию. Итак, благодаря чему ты считал Архилоха достойным неба? Не завидуй, гуманнейший из богов, и другим людям в их пути наверх. Что ты нам советуешь делать? Очевидно то же самое, что и Архилоху, если мы хотим оказаться достойными твоего дома. Иначе говоря, поносить последними словами тех женщин, которые не хотят выходить за нас замуж, и нападать на развратников, ибо из всех подонков они, разумеется, самые отвратительные.

Всё это, конечно, нужно делать в стихотворной форме, так как это язык богов и божественных мужей, таких, как Архилох. Здесь нет ничего удивительного: благодаря выдающимся достижениям в этом искусстве и дом в порядке, и частная жизнь в безопасности, и государства живут в согласии, и народы управляются справедливыми законами. Поэтому ты не без оснований считал его служителем Муз, а его убийцу, уничтожившего человека, чей голос звучит и сейчас, недостойным обратиться к вам, богам,

и вашего гласа. Значит, справедливы были угрозы Архию[295], и правильно поступила Пифия, которая, мстя за давнюю смерть Архилоха, изгнала из храма нечестивца, убившего слугителя Муз. Даже мне показалось, что ты был справедлив, защищая поэта.

Тут я вспомнил о другом поэте и о его венках. Речь идет о Еврипиде. И хотя я сомневался, но хотел услышать не о том, почему он был награждён венками, а почему эти венки названы священными, и не о том, что он достигнет славы, а почему она высшая. Ему аплодировала толпа. Я это знаю, но я знаю и то, что он нравился тиранам. Он так усердно занимался своим искусством, что им восхищались не только поклонники, но и все Афины, гордясь тем, что только они дали миру трагических поэтов.

Итак, если эти рукоплескания и стол, установленный на акрополе, годятся на роль судей в таком деле, то я больше ничего не скажу, видя, как на акрополе обедает Еврипид, а народ афинский вместе с македонянами единодушно выражают одобрение. Если же, кроме того, есть ещё какое-то мнение богов, а оно, безусловно, заслуживает доверия и ничуть не легче одобрения тиранов или толпы, то скажи нам, пожалуйста, на основании каких заслуг вы, боги, вынесли такое великолепное решение о Еврипиде. Нам это необходимо знать, чтобы постараться взойти на небо по следам ваших похвал. Ведь теперь нет больше ни сабеев, ни ликамбов, чтобы поражать их стрелами сатиры; нет ныне ни Фиеста, ни Эдипа, ни того злосчастного Финея, судьба которых была бы созвучна трагической музе.

Я полагаю, что они не стали бы завидовать ни одному человеку, жаждущему дружбы богов, потому что, как мне кажется, если бы они знали, что некогда появится какой-то Еврипид, ставший другом богов благодаря описанию их деяний, то они позабыли бы о своих прегрешениях и не думали бы об их исправлении, а принялись бы за сочинение стихов. И если бы они слышали прославленные имена прошлых веков, то пользовались бы их примером, чтобы проложить себе путь на небо и там, на Олимпе, сидеть рядом с поэтами при дворе самого Зевса. Так говорит дельфийский поэт. Теперь послушаем, о чём спросил однажды бога счастливый поэт Гомер. В этом вопросе было что-то небесное и достойное обращения к богам, в ином случае бог так легко не назвал бы его счастливым и не обратился бы к этому счастливцу со словами:

Родину ищешь отцову, но будут то матери земли —
Те, что от Миноса дома не так далеки и не близки.
В этой земле материнской свой век многотрудный окончишь.
Юношей речи услышав, полные слов непонятных.

О мудрейший из людей, да нет, из богов, не удивительно ли, что этот счастливый человек не знает, в каком месте на земле он появился на свет из материнского лона и где будет покоиться, навеки сомкнув свои очи. По мне безразлично Гомер ли обращается с вопросом по такому поводу или жук-скарабей и даёт ли бог ответ Гомеру, не знающему, где его родина, или скарабею. Ведь и жук какой-нибудь, который не жил до старости в той же самой навозной куче, где родился, а был подхвачен порывом бурного ветра и по воле злого скарабейского демона перенесён в другую страну и в другую навозную кучу, мог потом прилететь в Дельфы и спросить оракула, где его родная навозная куча и какая земля примет его, когда он подохнет.

Так Эномай рассуждал о поэтах. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 32-33, р. 227d сл.).

12. В связи с тем что наш удивительный бог в своих оракулах причислил к сонму богов кулачных бойцов и атлетов, мне кажется вполне естественным, что Эномай направил стрелы своей критики и в эту сторону.

Тот, кто знает песчинок число и море измерил,
Мысль понимает немного и речь бессловесную слышит[296].

О, если бы ты этого всего не ведал, а знал лишь одно — что искусство кулачного боя ничем не отличается от умения лягаться, тогда бы ты причислил к лику бессмертных и ослов, как ты сделал с Клеомедом, кулачным бойцом из Астипалеи[297], о котором ты сказал-

Это последний герой — Клеомед из Астипалеи.
Жертвы ему приносите его уже нет среди смертных.

Почему ты, эллинов древний пророк, как называет тебя Платон[298], обожествил этого человека? Не потому ли, что на Олимпийских играх одним ударом убил он своего противника, рассёк ему грудь, и, запустив туда руку, вырвал лёгкие? Действительно, Аполлон, поступок, достойный бога. А может быть, на том основании, что, присуждённый к штрафу в четыре таланта, он не захотел его платить и, охваченный досадой и злобой, сорвал свой гнев на детях, находившихся в школе, свалив там колонну, подпиравшую потолок?

Итак, делатель богов, именно по этим причинам ты считал Клеомеда достойным почитания? Или хочешь добавить ещё одно доказательство его мужества и приязни к нему со стороны богов? Не имеешь ли ты в виду, что он спрятался от преследователей в священный ларь, стоявший в храме, и, задвинув над собой крышку, стал для них неуязвим, когда они пытались его оттуда вытащить. О Клеомед, бессмертный герой, каких тяжких трудов стоило тебе бессмертие! Боги сразу же узнали о твоих выдающихся подвигах и вознесли на небо, как некогда гомеровские боги Ганимеда, но последнего за красоту, а тебя за силу, притом исключительно удачно применённую во благо.

Итак, мой прорицатель, если бы ты, наплевав на песок и на море, познал вместо этого сущность кулачного боя, то стал бы считать богами и дерущихся ослов, а из богов самыми достойными — диких ослов-онагров. Тогда бы для мёртвого онагра следовало бы скорее изречь, чем для твоего кулачного бойца Клеомеда:

Не Клеомед из бессмертных, а дикий осёл самый лучший.
Жертвы ему приносите. Его уже нет среди смертных.

Так ты не удивляйся, если и онагр, в изобилие снаряжённый всем божественным, станет претендовать на бессмертие, а услышав твой ответ, не удержится и будет угрожать, что забьёт самого Клеомеда копытами, столкнет его в пропасть и не позволит взять на небо. Ведь он гораздо достойнее, чем Клеомед, этих божественных даров, ибо готов сражаться не только с ним одним, хотя тот и пользовался железными гимантами[299], но и с кулачным бойцом с Фасоса, или даже с ними обоими (из-за статуи этого фасосца боги очень

разгневались и сделали фасосскую землю бесплодной; мы верим в этот рассказ, потому что он исходил не от человека, а от самого бога).

Из всего этого я прекрасно понял, что искусство кулачного боя было своего рода божественным занятием, чего многие, считающие себя умными людьми, не постигли. Им бы бросить свою калокагатию и начать упражняться в кулачном бою по примеру того фасосца, которому боги не даровали бессмертия, как Клеомеду, но проявили к нему исключительную любовь. Так и его бронзовая статуя по сравнению с другими изваяниями людей обнаружила удивительные свойства, когда, как кажется, не без божественного вмешательства она ускользнула из-под ударов врага.

А эти фасосцы, потеряв разум и ничего не смысля в божественных делах, пришли в негодование, прокляли статую и подвергли её наказанию, осмелившись сбросить в море. Но и фасосцы не избежали наказания. Боги показали, какую беду они на себя навлекли, наслав на них голод, спутника справедливого божественного гнева, хотя он и не вполне раскрыл им замыслы богов. Поэтому ты, человеколюбивейший из бессмертных, на свой лад оказал им помощь, произнеся:

Родину изгнанным снова верни — к изобилию вернёшься.

Но эти несчастные решили, что им нужно призвать обратно на родину изгнанников. Ничего-то они не поняли! Разве таких бесчеловечных богов волновали судьбы изгнанных людей, а не возвращение на место статуй? Они так бы и не помогли освободиться этой земле от напастей, если бы один человек, мудрый и знающий, не понял божественного смысла прорицания, в котором под изгнанниками подразумевалась сброшенная в море статуя. Так это было. Статую водворили на место, и земля тотчас же расцвела, а жители Фасоса снова стали гордиться плодородием своего острова.

Разве всё это не доказывает с полной очевидностью божественной сущности атлетики и того, что она достойна божеских почестей? И в другой раз, когда было совершено надругательство над статуей одного пятиборца, боги также разгневались, и локрийцы, так же как и жители Фасоса, пережили из-за этого голод, пока их не исцелило следующее изречение оракула:

Чти оскорблённого честь, и земля тебя щедро одарит.

Локрийцы тоже не поняли смысла божественного совета, прежде чем ты не разъяснил им его. Они бросили этого пятиборца по имени Эвтикл в тюрьму, обвинив в том, что он якобы принял дары от врагов своей родины. Но дело этим не кончилось. После его смерти локрийцы продолжали глумиться над его статуями до тех пор, пока боги не потеряли терпения и не наслали на них тягчайший голод. И они бы погибли от голода, если бы от тебя не подоспела помощь, гласящая, что им следует чтить тучных людей, которых боги любят не меньше, чем крестьяне быков, и благодаря которым люди, принося их в жертву, иногда умилоствляют вас.

Не меньше, а, может быть, даже больше тучных быков вам нравятся тучные люди, и притом так, что порой вы изливаете свой гнев на целый город и на весь народ, когда они поступают

несправедливо с одним или двумя такими созданиями. О мой пророк, ты должен был вместо пророка родиться у нас учителем гимнастики с тем, чтобы Дельфийское прорицалище было одновременно и гимнасием. Ведь не был чужд пифийским играм пифийский гимнасий. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 34, р. 230 сл.)

13. К сказанному прибавлю и то, что говорит Эномай, разоблачая лесть богов, о которых раньше шла речь, в адрес тиранов.

Счастлив тот муж, что в мой дом поскорее войти поспешает, —
Града Коринфа властитель Кипсел, потомок Эака[300].

Таким образом, сами тираны, а не только враги тиранов провозглашаются вами счастливыми, в том числе Кипсел —

Тот, кто причиной Коринфу немалых несчастий и горя, —
и Меланипп[301], который добыл множество богатств для города Гелы.

Если Кипсел счастливец, то почему нельзя считать счастливым и похожего на него Фаларида? Поэтому вам надо было бы лучше провозгласить:

Счастлив ты, Фаларид, Меланипп был также счастливым.
Вы провозвестники споров богов среди смертных.

Я однажды слышал от тебя прорицание о Фалариде, где ты хвалил его и одобрил за то, что отпустил на волю схваченных и подвергнутых жесточайшим пыткам заговорщиков, увидев и поразившись, с какой стойкостью они выносят эти пытки. Локсий и Зевс-отец решили отсрочить смерть Фалариду за его мягкое обращение с Харитоном и Меланиппом.

Великолепно, хоть и с трудом, ты объяснил нам, как обстоит дело с жизнью и смертью и что в жизни есть нечто прекрасное. Свидетельством этого пусть послужит следующий твой ответ:

Будет значительно лучше всему населению Метимны,
Ест вы Вакха главе деревянной почёт воздадите.

Города приносят жертвы и совершают посвящения в таинства не только перед деревянными головами Диониса, но и перед каменными, бронзовыми и железными и не только перед головами, но и перед самими Дионисами и ещё перед многими другими гесиодовскими богами. И впрямь на земле-кормилице находится тридцать тысяч[302] не бессмертных, а каменных и деревянных властителей рода человеческого. Если бы они наблюдали за справедливостью и её нарушениями у людей, тогда дело не дошло бы до такой нелепости, когда зло проникает даже к вам, на самый Олимп, где, как говорят, «дом нетленный бессмертных».

Если он действительно «нетленный», то был бы недоступен для всякой ерунды, и никто бы из олимпийцев не докатился до такой глупости, чтобы объявить богом простой обрубок масличного дерева. Такой кусок, запутавшийся в неводе, вытащили однажды рыбаки из

Метимны, а потом это случилось дважды или, кажется, трижды и ещё несколько раз на том же самом месте. Затем они вывезли этот обрубок в Ливийское море вместо того, чтобы выбросить его на берег — тогда, клянусь Дионисом, он не попался бы им снова в сети. Верхняя часть этой деревяшки была похожа на человеческую голову (поразительная, следует сказать, Аполлон, работа!).

Что с ней случилось там, в море? Трудно сказать. Наверное, клянусь Зевсом, болталась, пока безумные люди (не скажу — боги) не наткнулись на неё и не подумали, что это чудо, посланное им не Зевсом, а Посейдоном. Потом его увезли в город, как некое доброе предзнаменование, хотя в действительности оно было не добрым и не счастливым, а нечто вроде факела поджигателя. Им явно было мало той гибели, которая грозила их городу изнутри, её дополнительно укрепило и увеличило, так сказать, приглашённое из Дельф и посланное богами всеобщее помешательство. Таковы слова Эномая. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 34; 35; 36, p. 233 сл.).

14. Итак, послушай снова, с каким юношеским задором и смелостью автор, озаглавивший своё сочинение «Обличение обманщиков», критикует заблуждения толпы и самого Аполлона. Вот дословно его рассуждения.

— Ты сидишь себе в Дельфах и, даже если бы хотел, не можешь молчать. Сейчас Аполлон, сын Зевса, хочет молчать не потому, что хочет, а потому, что вынужден необходимостью. Хотя я пришёл к этому, сам не знаю какими путями, мне всё же кажется необходимым отбросить всё остальное и заняться исследованием весьма своеобразной и достойной внимания проблемы. Из человеческой жизни исчезла, по крайней мере с точки зрения философов, исчезла, повторяю, совсем свобода распоряжаться своей жизнью (как бы эта свобода ни называлась — кормило, опора или основание), которую мы считаем верховной властительницей всех самых необходимых потребностей, а Демокрит[303], старается объявить это высшее из благ рабством, а Хрисипп, если я не ошибаюсь, — полурабством. Доводы этих знаменитых философов могут повлиять на того, кто, будучи человеком, пускает в дело человеческое же оружие. Но если теперь против нас ополчатся ещё и божественные силы, увы, что нам придётся претерпеть! Было бы несправедливым и недостойным, если бы мы стали руководствоваться таким оракулом:

Враг ты соседним народам, но друг небожителей верный.
Дротик оставь свой в покое, сиди под укрытием дома.

«Значит, — скажет аргивянин, — если бы я захотел, то мог по своему усмотрению сидеть дома и укрываться от опасностей?» — «Да, — скажешь ему, — тебе позволено так поступать. В ином случае как бы я тебе это предписал?»

Карист, потомок повсюду известного Хирона милый,
Пелий покинь и ступай на вершину Евбеи гористой,
Роком тебе суждено основать там священное царство.
Смело иди и не медли!..

— Тогда, Аполлон, в самом деле что-то зависит от человека и даже я могу проявить желание покинуть Пелий? А я слушал от многих мудрых людей, что если мне уж суждено прийти на вершину Евбеи и там основать священное царство, то я приду туда и заложу новый город, скажешь ли ты об этом или нет, захочу я того или нет. Но если мне надлежит желать только то, что указано судьбой, и желать даже вопреки моему желанию, тогда ты, Аполлон, безусловно, достоин доверия. Поэтому, как мне кажется, я должен ещё внимательнее к тебе прислушиваться.

Гражданам Пароса должно тебе, Телесикл, поведать:
Солнечный я приказал основать на Ээрии город.

— Клянусь Зевсом, я сообщу им об этом (скажет, пожалуй, какой-нибудь ослеплённый тщеславием человек или твой недоброжелатель), даже если ты и не прикажешь. Ведь такова моя судьба. Ээрия — это остров Фасос, и туда придут паросцы, так как мой сын Архилох утверждает, что прежде этот остров назывался Ээрия. Ты же, будучи в силах жестоко карать, не станешь, я думаю, терпеть неблагодарность и наглость человека, который никогда ничего не сообщил бы против твоего желания, да и Архилох, его сын, не вывел бы колонию паросцев на чужбину, а паросцы не поселились бы на Фасосе. Впрочем, не знаю, скажешь ли ты так: ты ведь не отдаёшь себе отчёта в том, что говоришь. У нас, как мне кажется, сейчас вполне достаточно времени для подробного разговора, а разговор этот важный, потому, выбрав из многого лишь немного и самое главное, поговори со мной вот о чём.

Итак, мы с тобой что-нибудь собой представляем, я и ты? Вероятно, ты скажешь «да». Откуда нам это известно? Просто оттого, что мы это знаем? А может быть, только благодаря нашим чувствам и ощущениям? Далее. На основании чего мы решили, что являемся живыми существами? А из живых существ, как бы это мне сказать поточнее, — людьми, а один из людей — обманщиком, другой же — его обличителем, один — пророком, другой — клеветником. Пусть меня кто-нибудь опровергнет, в этом случае ты будешь прав.

Откуда нам известно, что мы сейчас говорим друг с другом? Что ты на это скажешь? Разве мы неправильно оценили наши ощущения в ходе этого процесса? Конечно, правильно. Значит, нет ничего, что было бы выше, значительнее или достойнее доверия, чем наши ощущения. В противном случае пусть к тебе, в Дельфы, не явится впоследствии некто по имени Алкмеон, убивший мать и изгнанный из родины, однако стремящийся вернуться домой. Ведь сам он не знает, представляет ли собой вообще какую-то ценность, изгоняют ли его из дома и стремится ли он туда снова.

Пусть Алкмеон лишился разума и думает о том, чего нет, но Пифиец-то ведь не сошёл с ума. Тогда не говори так:

В землю родную вернуться стремишься, о сын Амфиарая, ибо и ты не можешь знать, спрашивает ли тебя какой-то Амфиарай, да и ты сам, к кому обращены вопросы, не знаешь, что собой представляешь и в состоянии ли отвечать на то, о чём тебя спрашивают. И пусть Хрисипп, введший понятие полурабства, хотя и не знает, что это такое, не является в Стою. Пусть не думает, что встретится там со слизняками, пришедшими послушать его, человека,

который для нас ничто. И пусть он ни о чём не спорит ни с отсутствующим Эпикуром, ни с присутствующим Аркесилаем.

Ведь он не знает и знать не может, ни что такое Аркесилай, ни что такое Эпикур, что собой представляет Стоя, молодёжь — никто, а прежде всего не знает, чем является сам. Ни вы, ни Демокрит не сможете ничего возразить на подобные речи, ибо нет более верного довода кроме того, о котором я говорю. А если кажется, что есть ещё какие-то доводы, то по крайней мере с этим они сравниться не могут, а если и могут, то превосходить никак не могут. Потому, скажет, пожалуй, кто-нибудь, и ты, Демокрит, и ты, Хрисипп, и ты, пророк, негодуете, что хотят лишить вас ощущений или ваших многочисленных книг. Тогда давайте и мы будем возмущаться. В чём же, наконец, дело? Где что вам покажется, то и будет самым достоверным и главным. А там, где не покажется, там будет царствовать некая скрытая и, я бы сказал, неотвратимая необходимость, о которой думают по-разному.

Разве один не утверждает, что всё зависит от бога, а другой — от тех маленьких телец, которые низвергаются вниз, потом подсакаивают вверх, сплетаются и расходятся, отдаляются и снова по необходимости приближаются друг к другу[304]. Каким образом мы познаём самих себя, так же мы воспринимаем и происходящие в нас процессы, возникающие как сами по себе, так и под влиянием внешних сил. Ведь мы прекрасно знаем, что существует значительная разница между тем, когда мы сами ходим или нас ведут, между свободным выбором и принуждением.

С какой целью присовокупил я все эти рассуждения к уже сказанному? Потому что ты, пророк, не знаешь, над чем мы властны, и ты, всеведущий, не ведаешь того, к чему протянуты нити от наших желаний. Ясно, что этот принцип лежит в основе многих явлений и поступков. Тот, от которого скрыт этот принцип, являющийся причиной последующего, может ли знать, что вытекает из этого принципа? Было, конечно, постыдно предсказывать Лаю, что его убьёт собственный сын, ибо если бы он мог быть хозяином своих желаний, то ни Аполлон, ни какое-нибудь другое, ещё более могущественное божество никак не могло бы постичь ни происходящего, ни необходимости его рождения.

Самое же смешное во всём этом заключается в соединении и смешении того, что зависит в какой-то степени от людей и наличия ряда объективных причин и следствий. Как говорят умники, здесь есть много сходного с повествованием Еврипида[305]. Лай захотел породить детей, что было в его власти, но это ускользнуло от проницательности Аполлона. После того же когда у Лая родился сын, вступила в силу неизбежная необходимость — погибнуть ему от руки сына. Таким образом, необходимость, диктующая неизбежность будущих событий, дала возможность пророку предвидеть то, что должно случиться. Но и сын был в какой-то степени хозяином своего желания, как и его родитель. Отец — породить или не породить, сын — убить или не убить.

Так обстоит дело со всеми вашими прорицаниями И Аполлон у Еврипида действовал в том же духе, предсказывая:

Шагать по морю крови будет весь твой дом, потому что и сын вырвет себе глаза своими собственными руками. На матери своей женится и царём станет, разгадав загадку Сфинкса,

а потом начнётся братоубийственная война, после того как один из братьев будет изгнан из родины, а другой — жаждать власти, а изгнанник женится в Аргосе, и состоится поход семи достойных осмеяния вождей, и, наконец, поединок. Когда все участники трагедии были разбросаны по разным царствам и землям, как ты мог всё разузнать и каким образом могла соединиться причинная цепь?

Если бы Эдип был сам себе хозяином и не хотел получить царскую власть, а захотев и получив её, не пожелал жениться на Иокасте или, женившись, не обезумел от печали и горя, как могло бы произойти всё последующее? Разве он вырвал бы себе глаза и проклял своих детей своими проклятиями и теми, которыми можно найти у Еврипида? Каким образом произошли бы дальнейшие события, если бы они не были обусловлены упомянутыми уже причинами, да и как бы ты сам мог в таком случае предсказывать будущее?

С другой стороны, если бы дети Эдипа царствовали вместе или договорились царствовать по очереди или изгнанный решил отправиться не в Аргос, а в Ливию или к перребам, или же, прибыв в Аргос, стал торговать селёдками и женился бы не на богатой девушке, а на подёнщице или на торговке, Адраст же не отдал бы за него свою дочь, изгнанник, в свою очередь, не захотел бы вернуться на родину, а если бы и захотел, то поборол бы своё желание; если бы Адраст отказался ему помочь, а за Адрастом не пошли бы ни Амфиарай, ни Тидей, ни другие вожди или если бы они согласились последовать за ним, а Полиник не стал бы сражаться с братом или захотел совместно с ним царствовать, когда же тот не захотел бы, ушёл, прислушавшись к словам Еврипида:

Пришёл ты к нам, незванный, родину сгубить, а если бы не захотел уйти, то брат его Этеокл сложил бы с себя власть, попав под влияние других хитроумных речей Еврипида:

Как солнце, так и ночь на службе у людей,
А дома равного терпеть не можешь ты? —
как тогда стали бы они сражаться друг с другом и весь дом Лая утонул в крови?

Но ведь всё так и произошло, возразишь ты. Да, произошло. Но ты-то благодаря чему сумел предвидеть эти события? Разве ты не наблюдаешь, как часто нарушает весь ход событий сила, заключённая в нас, участниках этих событий? Хочешь, я возьму любое событие, разорву эту вашу самую необходимую причинную связь и покажу её несостоятельность. Ты утверждаешь, что тебе известен исход событий. Но все события возникают под влиянием силы, разрушающей необходимую причинную связь вещей.

Может, тебе не понятно, о чём я говорю? В любом событии, пророк, живые существа часто образуют в нём самом несколько или много элементарных исходных пунктов, которые всегда как бы пронизывают его и, в свою очередь, являются первопричиной других явлений. Этот процесс продолжается до тех пор, пока появившийся откуда-нибудь другой элементарный исходный пункт, другая первопричина не принудят соединиться не с предыдущим и не последующим, а с самим собой. Этим исходным пунктом может быть и осёл, и собака, и блоха. Ведь, клянусь Аполлоном, даже у блохи тебе не отнять её свободы! Она может сама избрать себе любое направление, которое, иногда переплетаясь с человеческими действиями, образует исходный пункт какого-нибудь нового действия. Ты

же, занимаясь прорицаниями, не замечаешь, что сам руководишься такого рода закономерностями.

Взял ты город Трахин, обитель святого Геракла,
Зевс уж тебя покарал и ещё, локриец, накажет.

Что ты скажешь на это? Разве не вы решили, что Трахин будет взят? Разве в этом виноваты мы, а не ваша неизбежная необходимость? Ты поступаешь несправедливо Аполлон, и твои угрозы мы не заслужили, ибо ни в чём не виноваты. А этот ваш Зевс, необходимость вашей необходимости, почему он нас наказывает (если это ему уж так необходимо), а не сам себя за то, что обнаружил существование такой необходимости? Почему он нам ещё и угрожает? За что должны голодать, будто во всём виноваты мы? Будет ли восстановлен нами город или не будет, в обоих случаях решается судьбой.

Так оставь же свой гнев, Зевс, насылающий голод! Ведь произойдёт лишь то, чему суждено произойти, и это диктуется твоей необходимой причинной связью вещей. В сравнении с ней мы ничто. Поэтому и ты, Аполлон, прекрати свои бессмысленные пророчества: всё равно произойдёт то, что суждено, хоть ты и будешь молчать. Какого же мы заслуживаем наказания, Зевс и Аполлон, если совершенно непричастны к вашему законодательству, точнее говоря, к установленной вами необходимости? Что нам до ваших наказаний и гнева, которые по справедливости должны были бы пасть на ваши собственные головы за то, что вы нас принуждали совершать всякие преступления.

Жители области Эты, оставьте преступные мысли!

А мы их не питаем, Аполлон. Это вы нас к ним толкаете, и не из-за нашей преступности, а в силу вашей необходимости. Как ты, Аполлон, можешь хвалить того самого Ликурга, который не был хорошим человеком ни по своей воле, ни по своему характеру, а против своей воли? Если только кто-нибудь может стать хорошим против своей воли. То, что вы сейчас делаете, кажется похожим на такое положение, когда кто-нибудь стал бы хвалить и награждать физически красивых людей, а безобразных — порицать и наказывать.

Дурные люди могли бы справедливо упрекнуть вас, боги, за то, что вы не потрудились сделать их добродетельными, а, напротив, заставили быть дурными. И когда по улицам горделиво прогуливаются высоко нравственные люди, никто спокойно не сможет вытерпеть это зрелище, а скажут: «Хрисипп и Клеанф, и вы все, принадлежащие к этой компании (вас ведь заставили быть хорошими), мы хвалим добродетель, а не вас, добродетельных. Даже Эпикура, которого ты, Хрисипп, так часто поносил, мы от твоего имени объявляем свободным от всех обвинений. Ты часто бранил его за изнеженность и несправедливость, но он был таким не по своей вине. Какую же тогда должен он нести ответственность?

Милость богов знает каждый, кто к праведной жизни стремится.
Боги от их благочестья святые дары принимают.

Мне кажется, что этого вы не сказали бы, если не были убеждены в том, что не против своего желанья, а вполне добровольно идут они к тому, к чему идут. Всё то, что они захотят сделать из предсказанного им, ни бог, ни софист какой-нибудь из смертных не осмелятся

приписать необходимости. А если осмелится, то разговаривать с ним мы больше по станем, а возьмем плётку покрепче, да и отдерём его посильнее, как непослушного мальчишку».

Таково содержание сочинения Эномая, в котором он обрушивается на прорицателя.

(Евсевий. Приготовление к Евангелию, VI, 6, 7, р. 277б сл.).

Версия #1

Зверобой создал 14 ноября 2025 11:19:09

Зверобой обновил 14 ноября 2025 11:29:14